

Е.А. Юрчук

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫХ СТУДИЙ

В статье проанализирована зарубежная научная традиция постколониализма в работах Э. Саида, Г. Бгабги, Г.Ч. Спивак. Установлено, что постколониальная теория характеризуется отсутствием общей теоретической матрицы. В ней присутствует широкий

161

спектр авторских моделей интерпретации феноменов колониализма, антиколониализма и постколониализма. Постколониальная теория использует широкий спектр методов: постструктурализм, психоанализ, деконструкция, идеи феминистической критики.

В западноевропейском литературоведении, начиная с 60-х годов, актуальным стал вопрос переосмысления культуры народов, которые находились под влиянием империи. Эта проблема впервые была поднята в «Антологии новой негритянской и мальгальской поэзии» (1948 г.), книгах «Черная кожа, белые маски» (1952 г.), «Проклятые люди земли» (1961 г.), «Гонимые и голодные» (1961 г.) и др. В связи с этим в научный оборот вошло понятие постколониализм. Изначально целью постколониальных студий было исследование колоний стран Западной Европы, литература которых чаще всего была написана на английском языке и «вызвала интерес у публики и критики гибридной эстетичности форм и значимостью затронутых культурных и политических проблем, доставшихся в наследство от предыдущей эпохи» [1, с. 342]. В начале 80-х годов XX века термин постколониализм приобрел новое значение, его начали использовать по отношению к другим порабощенным народам. Поиск подобных признаков колонизированных культур обусловил формирование ложных представлений о колониальном единстве, а также критериев, по которым конкретную культуру относили или не относили к колонизированной с соответствующим правом на постколониальное прочтение. Такая ситуация актуализировала необходимость говорить о существовании не одной постколониальной культуры, а разных культур, имеющих собственное национальное лицо и требующих индивидуальных подходов и толкований. Это подчеркивает Арун П. Мукгерджи: «Они забывают, что не существует одной постколониальной литературы, а существует несколько постколониальных литератур» [2, с. 562]. В современных западноевропейских постколониальных студиях бывшие колонии все чаще становятся не только объектом изучения, но и объектом манипуляции. Как отмечает Аяз Ахмад в работе «С точки зрения теории: классы, нации, литературы», восточная культура является полем научной карьеры не только для зарубежных исследователей, но и жителей Востока [3]. Все чаще происходит отождествление явлений, присущих постколониализму и постмодернизму, что приводит к переосмыслению ценностного акцента с возрождения и исследования угнетенных колонизаторским влиянием структур на разрушение традиций. В контексте постколониального дискурса происходит развитие постколониальной критики. Как отдельная отрасль она утвердилась в 90-х годах XX века с появлением исследований Эдварда Саида («Культура и империализм»), Гоми Бгабга («Нация и нарация»), Гаятри Чакраворти Спивак («В иных мирах»). В своем развитии она

преодолела этапы, которые, по мнению Питера Барри, совпадают с этапами развития феминизма: от критики колонизатора к исследованию самого себя [4].

162

Применив идеи философа-постструктуралиста М. Фуко, Эдвард Саид проанализировал тексты Востока. Западноевропейский ориентализм он понимал как такой, который отражает ошибочные представления западного человека о Востоке, но не раскрывает истинную сущность восточной культуры. Западноевропейскую науку устраивают надуманные знания, совмещенные с имперским дискурсом, поскольку они согласуются в видении Востока, а также обеспечивают толерантное отношение к бывшей колонии. Первое целостное исследование проблем ориенталистики было сделано в книге Э. Саида «Ориентализм», где проанализированы ориенталистские структуры и реструктуры, а также исследованы скрытые и очевидные формы ориентализма настоящего. Автор убедительно демонстрирует, что «европейская культура значительно окрепла и смогла лучше реализовать свою идентичность, сопоставив себя с Востоком как с некоей искусственно созданной и отчасти скрытой сущностью противоположного содержания» [5, с. 14]. «Ориентализм» Э. Саида сформировал круг научных основополагающих для постколониальной теории понятий – интеллектуальное происхождение, перекодированное присутствие или репрезентация, культурная сила. Он писал о заангажированности каждой науки, что привело к разрушению иллюзий о том, что гуманитарные студии разворачиваются вне сферы политики (студии колонизатора по отношению к покоренному им народу всегда содержат геополитический аспект и являются средством контроля колониального дискурса). В «Ориентализме» Э. Саид определил методы постколониальных исследований: 1) метод стратегического расположения – «способ изображения позиции автора в тексте, где изложен ориентальный материал, о котором он пишет» [5, с. 34]; 2) метод стратегического благоустройства – «анализ отношений между текстами, т.е. изучение способа, с помощью которого группы текстов, виды текстов, даже текстуальные жанры набирают массы, плотности, и представительской силы сначала в отношениях между собой, а затем и в масштабах всей культуры» [5, с. 34]. В работе Э. Саид сформировал категориальный аппарат постколониальных студий, апробировал комплекс методов, которые открывают возможность создавать новые (неимперские) версии ориентального материала. В центре его исследования чаще всего были тексты, в которых империя говорит о своей колонии. Автор пытался не только выделить нарратив колонизированного народа из-под власти имперского стереотипа, дать ему свой голос, но и указать недостатки, существующие в имперских представлениях об ориентальном колонизированном мире. Это стало путем поиска настоящего себя в чужом пространстве, лишило возможности избавиться несамостоятельности в сознании колонизированного. Не менее весомым для постколониальных студий стало исследование Э. Саида «Культура и империализм», где он обосновал понятие культурный империализм с учетом современных идей локализации и глобализации. Ученый характеризовал империализм как «практику, теорию и отношение

163

господствующей метрополии, которая управляет отдаленной территорией» [6, с. 44]; культуру – как источник национальной идентичности, т.е. фактор, который отличает «нас» от «них». Формы культуры связаны с нарративом, который составляет основополагающую грань национального и является действенным средством имперского контроля, а также сопротивления этому контролю: «Конечно, империализм борется прежде всего за землю, однако владение землей, право на ее заселение и использование, ее содержание, завоевание и планирование ее будущего – эти вопросы отражались, дис- кутировались и некоторое время даже решались в нарративе. По словам одного критика, нации сами по себе нарратив. Способность рассказывать или препятствовать формированию и возникновению других нарративов очень важна для культуры и империализма, ведь это одна из главных связей между ними» [6, с. 13]. Э. Саид прибежал к анализу текстов английских писателей, отмечал наличие в них двойственных стереотипов. По его мнению, они занимают позицию антиимпериализма, осуждают его «крайние» формы (например, физические пытки), а также империализма – если дело касается возможности получения колонией независимости. Позиция представителя имперского мира относительно колониального всегда реализуется по схеме: «Мы поз- волили – вы имеете». В этом проявляется иллюзорность доброжелатель- ности, гуманности имперского центра к периферии: «Именно так чувство- вали себя американцы по отношению к своим южным соседям: мы желаем им независимости только в том случае, если это будет одобренная нами независимость. Все остальное неприемлемо, мало того – немыслимо» [6, с. 21]. Также Э. Саид анализировал явления антиколониального характера – национализм и освобождение. По его мнению, проблема реализации нацио- нального связана с появлением первенства мнимых сообществ, которые, получив независимость, становятся «заложниками» толпы диктаторов. В противовес такой ситуации он ставит позицию интеллектуалов «третьего мира», находящихся в эмиграции и пытающихся «соединить опыты разных сторон имперского порядка, их просмотр больших канонов, их создание критической литературы» [6, с. 99], что «... не могли кооптировать и, наконец, и не кооптировали возрожденные национализмы, деспотизмы и мелочные идеологии, которые изменили идеям освобождения в пользу реальности национальной независимости» [6, с. 99]. Особое внимание Э. Саид уделял сопротивлению колонизированного дискурса относительно дискурса имперского. Разворачивается оно в двух формах: первичной, связанной с физической борьбой (войны, восстания), и духовной, проявляющейся в культурных соревнованиях. Культурной форме противостояния он придавал особое значение. Даже при поражении коло- низированного народа на «физическом» уровне культурная оппозиция помогает сохранить национальное, создать феномен метафизической незави- симости, катализировать следующую борьбу: «После периода «первичного

164

сопротивления», фактической борьбы против внешнего вторжения, приходит период вторичного, т.е. идеологического сопротивления» [6, с. 298]. Ученый обращает внимание и на трагедию всякого сопротивления, ведь приходится не только выстраивать антиколониальную стратегию, но и заботиться о восстановлении национальных форм, подвергающихся деконструкции имперской культурой. На основе опыта восточных стран Э. Саид анализирует потери и достижения

национализма: его реализацию путем установления после обретения независимости власти национальной элиты, объединенной в одну или две доминирующие партии, ведет к коллаборации между национальной интеллигенцией и колонизатором, образованию модифицированной версии имперского дискурса: «Националисты копируют методы западных политических партий, поэтому все разновидности трения развиваются в рамках националистического лагеря: между селом и городом, между лидером и заурядными членами партии, между буржуазией и крестьянами, между феодалами и политическими лидерами – и всех их используют импералисты» [6, с. 378]. Поэтому национализму он противопоставляет «политику освобождения». Э. Саид ставит под сомнение возможность внеинтеллектуального (физического) сопротивления имперскому и постимперскому дискурсам. Трагедия сопротивления – в копировании независимой национальной элитой имперских политических моделей, в превращении ее в «толпу диктаторов». Принципиально иную роль играют интеллектуалы, находящиеся в эмиграции. Этими рассуждениями Э. Саид создает оппозиционную пару, которую составляют «национальная элита материковая» и «национальная элита нематериковая». Материковая элита оказывается в ситуации вечного проигрыша, нематериковая находится «над ситуацией», способна рассматривать ее в интерпретации разных дискурсов (имперского, антиколониального, постколониального). Это снижает значимость получения реальной независимости, прочитывается как негативная перспектива и создание иллюзорного пространства интеллектуальной бездействующей аналитики. Такая позиция исследователя мотивирована индивидуальным опытом, поскольку Э. Саид принадлежал к той «нематериковой элите», которая оставалась в эмиграции даже после получения независимости его нацией. Студии Э. Саида стали причиной появления исследований, направленных на деконструкцию заангажированных имперскими идеологиями текстов. Его поиски продолжили другие ученые, среди них особого внимания заслуживают Гоми К. Бгабги, Гаятри Чакраворти Спивак. В своих постколониальных исследованиях Гоми К. Бгабга смещает акценты с империи, колонии на нацию, истолковывая ее как определенную идеологическую нарративную модель. Обычно он обращается к имперской нарративной модели, но не из-за желания найти в ней ложные представления о колонизированном мире, а с намерением декодировать ее элементы. В работе «Нация и рассказ» Г. Бгабга прибегает к деконструкции английского языка, основанной на неожиданном сочетании слов, нетради-

165

ционном использовании постоянных оборотов, клише. Разрушая каноны английского языка, он ставит под сомнение английскую модель мировоззрения. В этом двойном процессе речь колонизатора отталкивается как ненужная (заодно происходит отказ от имперской культуры, эстетики) и одновременно – присваивается. Власть над языком колонизатора выражает ее ограниченность, ведь «стандартный английский язык с трудом приспособливается к конструкциям, заимствованным из других языков и других цивилизаций. Как следствие, носители языка (не говоря уже о тех, кто не являются его носителями) оказываются в неловкой ситуации, когда они знают меньше жителей империи» [7, с. 76]. Из-за таких трудностей из английской культуры исключается широкий пласт «неанглийского», неимперского колониального опыта. Этот

процесс связан и с особенностями английского языка, и с политикой, когда текстуальность становится средством внедрения идеологических доктрин. Поэтому, по убеждению Гоми К. Бгабга, «текстуальность» является основополагающим понятием постколониальных студий. В книге «Нация и рассказ» он проводит параллели между идеологией и языком, указывая, что общей для них является амбивалентная природа элементов («двуликое лицо Януса»), ставит своей целью «исследования амбивалентности самого языка с лицом Януса в построении двуликого дискурса нации» [8, с. 559]. Такой подход дает возможность опровергнуть превосходство одной культуры над другой. В анализе нации как нарративной модели Гоми К. Бгабга сосредоточивается на соотношении между «своим» и «другим», подчеркивая значимость «пограничного» пространства. Отвергая идею культурной идентичности народов третьего мира, он убеждает, что нация как нарративная модель тем интереснее, чем больше она разнородна и гибридна. Постколониальные студии Гаятри Ч. Спивак основаны на анализе проблемы женщины в колонизированном пространстве. Исследовательница отвергает понимание универсальности опыта, который предопределял навязывание женщине колонизированного государства моделей поведения, не присущих ее культурной традиции. Соответственно, опровергалось понимание отношений между колонизатором и колонизированным сквозь сферу сексуального, когда колонизированных воспринимают как феминное, к которому возможны различные виды агрессии. Отрицание права колонизатора на тело женщины «третьего мира», чаще всего маскирующегося под защиту от черного человека, ставит под сомнение собственную слабость, необходимость в такой защите и вообще феминный характер всей колонизированной культуры. Гаятри Ч. Спивак поднимает проблему женской речи в исследовании «Может ли подчиненное говорить?». Ее рассмотрение приводит к анализу сознания зависимой женщины, а также женщины в постколониальном пространстве, которую слушают или вместо которой говорят, но с которой не общаются [9]. Исследовательница доказывает, что национальная модель актуализируется с обретением независимости и чаще всего имеет мужской характер. Женщине в ней отведена роль, которая делает невозможной

166

реализацию ее стремления к власти. Гаятри Ч. Спивак сосредоточивается на необходимости исследования женского голоса, создании женщиной собственной речи, оппозиционной имперской патриархальности и собственной национальности. Итак, постколониальные студии характеризуются отсутствием обобщенной теоретической матрицы. Вместо этого представлен широкий спектр дефиниций понятий постколониализм, постколониальная критика, постколониальная теория, авторские модели интерпретации явлений колониализма, антиколониализма, постколониализма. Широкой по своему инструментарию является и методология постколониальных студий. Используются постструктурализм, деконструкция, психоанализ, достижения феминистской критики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будный, В. Сравнительное литературоведение / В. Будный. – К. : Издательский дом «Киево-Могилянская академия», 2008. – 430 с.
2. Мукгерджи, Арун П. Чей постколониализм и чей

постмодернизм? / Арун П. Мукгерджи // Антология мировой литературно-критической мысли XX в. ; под ред. М. Зубрицкой. – Львов : Летопись, 1996. – С. 562–565. 3. Ahmad, Aijaz. In Theory: Classes, Nations, Literatures / Aijaz Ahmad. – Oxford Oxford University Press, 1992. – 149 с. 4. Барри, П. Введение в теорию: литературоведение и культурология / П. Барри. – Киев : Факел, 2008. – 360 с. 5. Саид, Э. Ориентализм / Э. Саид. – Киев : Издательство Соломии Павлычко «Основы», 2001. – 511 с. 6. Саид, Э. Культура и империализм / Э. Саид. – Киев : Критика, 2007. – 608 с. 7. Томпсон, Ева М. Трубадуры империи: Русская литература и колониализм / Ева М. Томпсон. – Киев : Издательство Соломии Павлычко «Основы», 2008. – 368 с. 8. Брюбейкер, Р. Переобращенный национализм. Статус нации и национальный вопрос в новой Европе / Р. Брюбейкер. – Львов : Кальвария, 2006. – 280 с. 9. Спивак, Г.Ч. Может ли подчиненное говорить? / Г.Ч. Спивак // Антология мировой литературно-критической мысли XX в. ; под ред. М. Зубрицкой. – Львов : Летопись, 1996. – С. 540–543.

The article has considered the development of post-colonial studies in literature. The author investigates the vector of formation of post-colonial criticism from the narrative analysis of the colonized people, and also the liberation of these people from the power of the imperial stereotype (E. Said) to the analysis of the nation as a narrative model (Gomi K. Bgabga), and women's problem in the colonized space (Gayatri Ch. Spivak).

Поступила в редакцию 22.04.13